4. Верди 2.
5. Аида с
6 Новосибирск. Театр оперы и балета
7. Дир. — Зак И.А.
Реж — Песенков Э.С
Худ. — Домрачев М.Ф.

131

ТЕАТР

БЕССМЕРТНАЯ «АИДА»

НА СЦЕНЕ Новосибирского государственного академического театра оперы и балета «Аида» идет давно и успешно, привлекая внимание все новых исполнителей и слушателей. Не случайно она вошла в репертуар нынешних гастролей театра.

В главных партиях выступили Зинаида Диденко, заслуженная артистка РСФСР Полина Ульянова и Нина Афанасьева, Виктор Хвалев и Валерий Егудин, заслуженный артист РСФСР Алексей Левицкий и Анзор Шомахия.

Нельзя однозначно ответить, кто из них покорил слушателей в большей степени. Одаренность, профессиональное мастерство — общая их черта, но каждый проявил ее по-своему.

Красноярцы познакомились с возобновленным вариантом спектакля. Два года назад режиссер, народный артист РСФСР Э. Е. Песынков и художник М. Ф. Домрачев под руководством главного дирижера, народного артиста РСФСР И. А. Зака провели очень интересную работу над оперой. Спектакль был почти заново оформлен, пересмотрены некоторые танцы, приведены в полное соответствие между собой оркестр, хор, солисты. Но главное изменение внесла солистка театра, исполнительница партии Амнерис Нина Афанасьева, воплотив на сцене смелую, по существу, новую трактовку этого образа, найденную Исидором Аркадьевичем Заком. Тема Аида—Радамес—Амнерис получила новое звучание.

Обычно исполнительницы трактуют Амнерис только как властную и мстительную дочь фараона, как справедливо наказанный порок, а Аиду — как торжествующую добродетель. И предпочтение, оказанное Радамесом Аиде, кажется понятным, бесспорным, справедливым.

Но вот приходит на сцену Амнерис-Афанасьева и разом переворачивает, путает установившиеся представления о своей героине. Ее Амнерис ослепительно красива в каждом жесте и каждой ноте. Внешний блеск певица использует как возможность усложнить внутренний конфликт всего действия. Амнерис-красавица заставляет другими глазами посмотреть прежде всего на Радамеса, выше оценить глубину и беззаветность его любви к Аиде.

О чем лучшем, казалось бы, мечтать юному, подающему надежды полководцу, как не о руке очаровательной дочери фараона, к тому же страстно любящей его? А он равнодушно проходит мимо, не замечая ни многозначительных взглядов ее, ни намеков.

С яркой эмоциональной выразительностью исполненный Афанасьевой и Диденко дуэт в начале второго действия приоткрывает сложный внутренний мир Амнерис. Дочь фараона не хочет уступить мольбам рабыни. Но она вместе с тем понимает, что ни власть, ни богатство не принесут ей полного счастья без любви.

Без преувеличения о Нине Афанасьевой можно сказать: большая одаренность. Вокальная. Драматическая. Творческая.

О Зинаиде Диденко говорят: умная певица. Верно, по-моему, подмечено. Она ведет партию прежде всего умно, тонко чувствуя подтекст каждой арии.

Ее Аида — это стремительный поток перевоплощений. Из смиренной рабыни — в дерзкую соперницу своей повелительницы. Из гордой царской дочери и патриотки Эфиопии — в женщину, беззаветно преданную любви к египтянину, человеку из вражеского стана, в женщину, готовую ради любимого на жертву, на смерть.

Обаяние, неповторимость Диденко в... предельной сдержанности, которой наделяет она свою героиню. Казалось бы, петь трагическую партию сдержанно — парадокс. Но сдержанность Диденко не от холодности и бедности выразительных средств, а от максимальной их концентрации. Это — свидетельство натуры сильной, глубокой, человека, который не станет упиваться собственными страданиями, выставлять их напоказ, ища сочувствия, а спрячет, подавит свои муки, чтобы облегчить муки близких людей.

При такой трактовке образа становится понятной та статическая простота, с которой Аида уходит из жизни. В ее жертве — ни малейшего намека на пафос, на самовозвышение. Только любовь и какое-то светлое успокоение в движениях, взгляде, голосе, выражающих не смирение со смертью, а утверждение жизни и любви. Вспомните ее заключительную арию.

Особенность последней партии состоит в том, что она требует умелого сочетания лиричности и драматизма. Сильное лирическое сопрано молодой солистки и тонкое актерское чутье роли как раз и дают этот чудесный сплав.

Работа Виктора Хвалева (Радамес) оставляет несколько противоречивое впечатление. Обладая исключительными музыкальными данными, артист обедняет Радамеса как драматического героя. Нет пока у Хвалева тонкого чувства роли, не всегда умеет он верно найти жест, музыкальную фразу, на которых следует сделать акцент. Думается, что требуют доработки и вокальная техника исполнения.

В драматургии существует понятие «перспективы роли». Чувство перспективы позволяет правильно рассчитывать свои силы и средства художественной выразительности на протяжении всего спектакля, позволяет четко выделить кульминацию развития образа. В этом смысле хорошо показал себя другой исполнитель партии Радамеса — Валерий Егудин. Его Радамес — то пылкий, романтичный юноша, то мужественный полководец, то безмолвный слуга фараона.

Развитие образа идет у Егудина от абстрактной приподнятости до окончательного становления характера в шестой картине четвертого действия. Как раньше вступает он в нравственный поединок с дочерью фараона. Натура его раскрывается в полную силу. Честь, человеческое достоинство, верность Аиде, презрение к торговле жизнью и любовью — все лучшее прорывается в нем вдруг, сразу и возвышает Радамеса до незаурядной личности. «Персонажи на глазах превращаются в очеловеческий образ», а из него — в Человека.

Что касается вокального исполнения партии, певцу можно пожелать дальнейшего совершенствования мастерства и работы над верхним регистром.

Интересны Рамфис и Амонасро в трактовке заслуженного артиста РСФСР Алексея Левицкого и Анзора Шомахия.

Рамфис-Левицкий — это умный и беспощадный враг всего живого, свободного. Он умеет выглядеть мудрым в глазах фараона. Он производит впечатление таинственного и недосягаемого посредника между богом и людьми (сцена священнодействия над мечом, «ниспосланным богом»). Но самое страшное в нем — непробиваемая убежденность маньяка, лишенного искры человечности.

Амонасро Анзора Шомахия — антипод верховного жреца. Сам порыв, семя свободолюбия, бьющий через край темперамент и смелость, не знающая границ предосторожности, — таков Шомахия в этой роли. Сильный драматический баритон, яркая внешность, актерское дарование отличают молодого певца. Пока он в начале творческого пути. Предстоит еще долго и настойчиво работать, чтобы до конца найти себя в этой партии, повысить исполнительскую культуру. Но начало сделано. И неплохое.

В печати не раз отмечалась творческая смелость как характерная черта коллектива театра. Ярко проявилась эта черта и в работе над «Аидой».

Удачное решение нашли режиссер и художник в финале первого действия. Сцена в храме Изиды впечатляет монолитностью, гармоничным единством оркестра, хора, солистов, точно найденными красками художественного оформления.

Массовые сцены второго действия были на этот раз несколько смазаны танцем воинов. Тесна ли сцены тому причиной или недоработка артистов балета, но воины-победители выглядели не совсем воинственно.

Негритянский танец — тоже, пожалуй, не совсем продуманное нововведение постановщиков. Солисты балета Нина Фуралева и Вадим Федонин танцуют блестяще, но в общем рисунке массовых танцев этот, сольный, воспринимается как эффектный, но все-таки чужеродный, выпадающий из сцены элемент.

Гастроли новосибирцев в полном разгаре. При отдельных просчетах, неизбежных в процессе творчества, театр демонстрирует настоящее, большое искусство, превращая каждый спектакль, в том числе и бессмертную «Аиду», в праздник для любителей оперы.

З. ШЕЛЕГИНА.

Красноярский Рабочий
№ 164 (15411). 16. VII. 70 г.